

ФІЛОСОФІЯ

УДК 165.2

Воеводин А. П.

ИНФОРМАЦИЯ И СМЫСЛ

Цель публикации – в исследовании системных соотношений эпистемологических категорий «информация», «знание», «понимание» и «смысл», в описании логики смены этапов усложнения процессов отражения и превращения его в осевой вектор саморазвития материи. Последовательное применение принципов телеологического анализа, сенсуализма и социоцентризма позволило преодолеть методологические недостатки детерминизма, антропоцентризма и рационализма в интерпретации процессов познания, а также выявить методологическую несостоятельность понятия «идеальное» в объяснении психики и сознания. Функциональный подход к пониманию сущности информации ограничивает ее формой «упаковки» материального носителя сообщения, тогда как его содержательные и аксиологические слои интерпретируются посредством категории «смысл».

Ключевые слова: *знание, информация, отражение, понимание, смысл, целесообразная деятельность.*

Смена социальных и культурных эпох обычно завершается генерализацией новой картины мира, составлением адекватных ей энциклопедий и словарей наиболее употребляемых понятий. Вслед за техническим перевооружением общества и появлением нового технологического поколения артефактов существующий лексикон пополняется и новыми терминами. При этом часто случается, что новые слова приходят в дополнение или на смену к таким, смысл которых так и остался не проясненным. И хотя и те и другие, по большому счету, означают одно и то же, тем не менее, все они не вытесняются из вербального оборота, а громоздятся в сознании, усложняют язык, затрудняют социальные коммуникации и понимание индивидами друг друга. Изначальная прозрачность картины мира затемняется, ее цельность и структурная упорядоченность разрушается, «семантический шум» сопровождает деструктивно-энтропийный период цитатности, коллажности, «глубокомысленного» декадентско-филологического колдовства над калейдоскопическим вихрем оттенков былой цельной формы.

И все же здоровый теоретико-философский вкус ищет возможность оздоровления мышления и освобождения его от эклектической путаницы терминологической всеядности путем прямого сопоставления и сравнения нуждающихся в объяснении понятий. В данном случае теоретический интерес представляют корреляции понятий «информация» и «смысл», и, в какой-то мере, связанных с ними терминов «знание», «образ», «идеальное» и «виртуальное».

Как это ни парадоксально, но вошедшее в научный оборот в тридцатых годах прошлого столетия и ставшее синонимом современной эпохи понятие «информация» так и не обрело своей адекватной дефиниции. Неустранимые сложности и внутренние противоречия в определении информации вынуждают некоторых исследователей категорически утверждать, что термин информация является «неопределимым в науке понятием» [1, 6]. С одной стороны, оно застыло в узко коммуникационных семантических тавтологиях – «известия,

сообщения, сведения, знания, организация», а с другой, обнаруживает тенденцию к безгранично расширительному толкованию и, в пределе, к отождествлению со всем, что существует, отождествлению предметного мира с «информационной Вселенной», появление творца которой, «космического разума», является результатом такого же последовательного отождествления информации с духом [2, 3]. Между этими крайностями необозримое множество определений, которые условно относятся, либо к атрибутивным, полагающим независимое существование информации в качестве принципиально самостоятельного, то есть существующего помимо вещей и управляющего миром явления, либо к функциональным, рассматривающим информационные процессы всего лишь как свойство кибернетических (самоорганизующихся) систем [3; 4]. Их общим и методологически обескураживающим недостатком является стремление вывести дефиницию информации из самой информации, вне понимания ее места и функции в составе сложных систем, а также вне социокультурного контекста возникновения каких-либо представлений о ней. При этом «ученые» совершают стандартную ошибку обыденного мышления - объективируют информацию и приписывают ее самим вещам, подобно тому как, например, сугубо человеческими характеристиками люди описывают сверхъестественные явления и даже наделяют ими Бога. Утверждая, например, что у вещей якобы «существует информация друг о друге», исследователи демонстрируют философское и эпистемологическое невежество, ибо в физиологии и психологии уже давно и прочно утвердилось признание того факта, что «в природе не существует вкуса, цвета, запаха», а образная информация о них и окружающих вещах феноменологически обнаруживается, как информационное условие выживаемости, в сложнейших процессах взаимодействия рецепторов живого организма и внешнего мира. Сторонникам наивного реализма обыденного сознания приходится перманентно напоминать известный афоризм Протагора - «человек есть мера всех вещей», согласно которому знание всего бесконечного многообразия природных форм – от субэлементарных частиц до сложнейших социальных переживаний типа патриотизма или совести – креативно структурируется в процессе непосредственного активного участия человеческого сознания. Со времен Д. Юма и И. Канта известно, что мы смотрим на мир сквозь инструментальное устройство науки и видим его в «кривом зеркале» категорий языка и наших познавательных возможностей. А усилиями К. Маркса в антропологической психологии и эпистемологии прочно утвердился деятельностный подход в объяснении человеческого познания, рассматривающий взаимоотношения человека и мира сквозь призму структуры практики. Образно говоря, мозг (язык, человек, общество, культура) как бы «примешивает» к образам внешнего мира свою инструментальную природу, что делает человеческое знание релятивным, а всю научную, то есть *субъективно оформленную информацию* об этих объективируемых человеческим сознанием формах относительной истиной.

До шестидесятых годов прошлого столетия, до взрывного усложнения социальных коммуникаций, до промышленного изготовления специальных артефактов, специфических орудий информационной деятельности электронно-вычислительных устройств, электронных средств связи, электронных средств управления, электронных средств массовой информации - и их глобального технологического использования никто не искал информацию об информации и подобно Журдену, известному герою комедии Мольера, который всю жизнь говорил прозой, но не знал об этом, просвещенный мир даже не подозревал о ее существовании. Самое удивительное здесь в том, что озабоченные сущностными определениями и предметными онтологическими поисками исследователи «просматривают» тот парадоксальный факт, что несмотря на их утверждения, что информация якобы обладает статусом всеобщности, *информация дана не каждому, но только тому, кто способен ее воспринять* и открывается она в виде *смысла*, который, как, например, символический смысл белого цвета, вовсе не является раз и навсегда безусловно данным и, даже больше, может

быть различным не только в разных культурах (европейских, африканских, азиатских), но и у одного и того же индивида. Поэтому загадка информации неразрывно связана с загадкой смысла, и, прежде всего, с загадкой реконструкции и понимания смысла, понимания понимания как осмысления вообще. Практическое извлечение и логическая экспликация смысла всегда есть понимание заключенной в нем информации, но что представляет собою смысл сам по себе, смысл *per se*, также остается, подобно загадочной Золушке, по-прежнему нераспознанным, неуловимым, недоступным и непонятным [5, 170]. Тем самым, решение загадки природы информации упирается в понимание и генетическую реконструкцию процесса ее осмысления: узнать, что такое информация можно лишь герменевтически реконструировав процесс ее генезиса как смысла в психике индивида. Именно игнорирование понятия смысла структурно-математическими концепциями и атрибутивным подходом к информации не позволяют построить общую теорию информации на их фундаменте.

Итак, что есть смысл, но не смысл чего-то, а смысл сам-по-себе, как эпистемологический феномен? Точнее, в чем заключается гносеологический смысл смысла? Подобная постановка вопроса вовсе не является сверхординарной и невыполнимой - саморефлексия давно уже является надежным ориентиром в определении вектора и уровня мышления и позволяет вербально-символическим способом совершить теоретическую экспликацию самых сложных социальных и психологических явлений. Например, теория зрения является ответом на вопрос - можно ли увидеть, как мы видим, а теория мышления ответом на вопрос - как можно помыслить мысль саму-по-себе, «чистую мысль», а не мысль о чем-то. На этом пути осмысления смысла исследователь вынужден взглянуть на свой предмет иными глазами, как бы со стороны, что равносильно тому, чтобы описать его в составе более сложных систем и иных понятий. В противном случае такой «ученый» (или язык) впадает сам с собой в неразрешимые парадоксы и противоречия, которые последовательно и экспрессивно осветил Жиль Делез в своей работе «Логика смысла». В ней он излагает серию логических (читай языковых или семантических!) парадоксов, образующих его теорию смысла. Как он полагает, «Легко объяснить, почему такая теория неотделима от парадоксов: смысл – это несуществующая сущность, он поддерживает крайне специфические отношения с нонсенсом» [6, 13].

И действительно, можно ли непротиворечиво объяснить, например, сущность дуба из желудка, а сущность человека исходя из устройства органов его тела? Здравомыслящему индивиду даже не придет в голову объяснять содержание зрительного образа устройством глазного яблока или хрусталика - они всего лишь специфические телесно-органические инструменты, опосредующие контакт с электромагнитным излучением, которым является видимый нами свет, и которые делают возможным присутствие предметно-смыслового содержания образов внешнего мира в человеческой психике. Их культурное бытие трансцендентно как физиологическим процессам, так и психологическому ощущению. Культурный смысл зрительного образа зеленого яблока невозможно непротиворечиво, а на деле это просто бессмысленно, свести к электрохимическому коду нервных импульсов. Естественно, что с инструментально-физиологической точки зрения психический образ как раз и представляет собой как бы «несуществующую сущность»: образ горящей свечи в голове не сжигает мозг, и мозг не краснеет при виде красного цвета, и не пахнет при восприятии молекул пахучих веществ. Аналогично дело обстоит и с инструментально-лингвистической точки зрения - бессмысленно искать смысл в буквах и знаках языка. Парадоксы и нонсенсы здесь возникают из интеллектуальной игры (баловства, забавы) и сознательного смещения в одном отношении разных смыслов, как например, в случае, когда цитируют софизм Хрисиппа, утверждавшего, что «телега проходит сквозь рот». Подобно тому, как органы человеческого тела не существуют самостоятельно вне тела, так и

человеческая речь, язык не является самостоятельно существующей вещью – он всего лишь intersubъективный инструмент социальных коммуникаций, обеспечивающий относительную самостоятельность существования социокультурной информации и передачу от поколения к поколению опыта совместной социальной деятельности. Невозможно понять смысл только из языка, также как согласно Дж. Гибсону оптическую информацию невозможно вывести из точек, различающихся по цвету и светлоте [7, 103]. Однако увлеченный семантическими парадоксами Ж. Делез даже не ставит вопрос об отличии языка и смысла, а тем более о происхождении человеческого смысла, или о том, имеются ли психологические смыслы у не обладающих речью животных? Он вообще не может определиться со способом существования смысла. Для него смысл это «бестелесная, сложная и нередуцируемая ни к чему сущность ... Ибо нельзя даже сказать, существует ли смысл в вещах или в разуме. У него нет ни физического, ни ментального существования. Можем ли мы сказать, по крайней мере, что он полезен? Нет, поскольку он наделен бездейственным, бесстрастным, стерильным блеском. Вот почему мы сказали, что можем, *фактически*, только косвенно судить о нем на основе того круга, по которому ведут нас обычные отношения предложения» [6, 38 - 39]. Но, в таком случае, каким образом этот «чистый», бескорыстный и «бестелесный смысл», во-первых, обнаруживает себя и свое бестелесно-фантомное существование для живущего телесно-плотской жизнью «посюстороннего наблюдателя», а тем более, во-вторых, как этот «бестелесный смысл» ухитряется взаимодействовать с материальным субстратом, как такая «бестелесность» вообще становится сподобной влиять на движение «телесных вещей» в пространственно-временном предметном мире, одной из которых, безусловно, является человеческий индивид? Уж не сверхъестественным ли образом? Если да, то с подобными интерпретациями, скорее, следует идти в храм, чем на университетскую кафедру, потому как естественное объяснение смысла необходимо в конечном итоге выводить не из сознания субъекта и не из языка самого по себе, то есть, не из принципа тождества языка (бытия) и мышления, а из объективного материального взаимодействия вещей и материалистической картины мира.

Научное поражение и теоретическая проблематичность выводов Ж. Делеза в который уже раз свидетельствует о методологической и практической беспомощности доминирующей с XVIII века в европейской философии модернистской традиции «рационализма» (*cogito*) и, соответственно, научной несостоятельности порождаемого нею идеалистического принципа «филиации идей» в объяснении процессов предметного мира. Еще И. Кант, справедливо критикуя сенсуализм и рационализм, взятые в их односторонности, указывал, что категории, как относительно самостоятельные формы мысли, должны быть заполненными чувственной тканью сознания, в противном случае их словоупотребление превращается в схоластическую болтовню: «... это распространение понятий за пределы *нашего* чувственного созерцания не приносит нам никакой пользы, так как в таком случае они пустые понятия об объектах, не дающие нам основания судить даже о том, возможны ли эти объекты или нет; они суть лишь формы мысли без объективной реальности, потому что в нашем распоряжении нет никаких созерцаний, к которым синтетическое единство апперцепции, содержащее только эти понятия, могло бы быть применено, так что они могли бы определить предмет» [8, 139]. Особая функция чувственных образов сознания состоит в том, что они заполняют предметно-практическим смыслом пустые понятийные формы мысли и, тем самым, «придают реальность сознательной картине мира, открывающейся субъекту. Что, иначе говоря, именно благодаря чувственному содержанию сознания мир выступает для объекта как существующий не в сознании, а *вне* его сознания – как объективное «поле» и объект его деятельности» [9, 134]. Глубокая и неустранимая природа психических чувственных образов состоит в их предметности, в том, что их смысловая определенность порождается в телеологических процессах целесообразной практической

деятельности, связывающей субъекта с внешним предметным миром. Как бы ни усложнялись эти связи и реализующие их формы деятельности, чувственные образы сохраняют свою изначальную предметную отнесенность [9, 139]. Подчеркнем, что именно сенсуалистическая наполненность понятий устанавливает их эпистемологическую предметно-родовидовую, телеологическую содержательно-смысловую и аксиологическую ценностно-иерархическую определенность. Рационализм не в состоянии преодолеть парадоксы и антиномии смысла как «несуществующей сущности» как раз в силу игнорирования чувственной основы мышления, обращение к которой убедительно опровергает трансцендентальный идеализм и демонстрирует посюстороннюю телесность и практический источник человеческого смысла. Смысл не приходит к человеку в готовом виде откуда-то извне, а первоначально появляется у ребенка в процессе культурного оформления перцептивно данного чувственного опыта и в виде культурных констант образует предметно-образное основание центральной зоны его картины мира. Таким образом, смысл невозможно понять, игнорируя чувственно-образную природу предметного мышления, а теоретическим водоразделом, отличающим научно-материалистический подход к пониманию информации и смысла от их трансцендентно-идеалистических и спекулятивно-категориальных интерпретаций, является понятие отражения.

Как всеобщее свойство материально-предметного мира отражение с необходимостью присутствует в процессах взаимодействия вещей и представляет собой способность одной вещи в своих особенностях воспроизводить некоторые особенности других, воздействующих на нее вещей. Отражение является неотъемлемой стороной физического взаимодействия. Специфика его в том, что вещи так взаимно трансформируют друг друга, что от одной из них к другой *как бы* «передаются» определенные *квазиформы*, адекватные свойствам воздействующей вещи. Эти квазиформы, в виде следов взаимодействия вещей, запечатлеваются в своем носителе, сохраняются и повторяются при воспроизведении условий взаимодействия.

В неорганической природе взаимодействия, как правило, случайны и сопровождаются разрушениями и уничтожениями вещей. Лишь в редких случаях взаимодействия приводят к устойчивым структурным образованиям, в которых вещи не уничтожают, но обуславливают необходимое существование друг друга. Особый вид устойчивого действия одной вещи на другую, которое не разрушает вещь, но придает ей новые возможности, принято именовать философской категорией «связь». Связь создает условия для многократного воспроизводства структуры взаимодействия и сопровождается образованием более сложных, иерархически выстроенных вещей. Современные физика и химия подробно описывают эволюцию вещества от самых первичных субэлементарных форм до сложнейших химических элементов и строения Вселенной. С появлением макрообъектов вещи достигают такого уровня сложности, когда внешние воздействия могут сохраняться в виде телесных (пластических) следов, которые в трансформированном и зеркально противоположном виде воспроизводят особенности своего взаимодействия. Важно подчеркнуть, что в процессах такого взаимодействия *не происходит переноса ни грана материального субстрата, ни грана вещества*, но следы, тем не менее, сохраняют формально и структурно сходные характеристики действующих друг на друга вещей, что может рассматриваться как онтологическая предпосылка зачаточной протоформы знака и знаковой коммуникации. Данный факт категорически опровергает любые философские и паранаучные представления о «бестелесности смысла», «идеальности (нематериальности) сознания» или экзотическом «информационном субстрате» [10]. Скажем, при механическом взаимодействии пятака и глины последняя пластически и зеркально воспроизводит внешнюю форму пятака. Но акцентируем внимание на том, что, во-первых, буквального отделения свойств пятака от своего носителя и «переноса» их в глину не происходит, поскольку свойства не обладают

самостоятельным онтологическим существованием и в глине нет ничего кроме самой глины; во-вторых, структура поверхности глины так изменилась, что воспроизвела особенности внешне-предметной геометрической формы пятака, который сам по себе остался как бы трансцендентным для структурной копии следа в глине; в-третьих, на механическом уровне отражения след пятака невозможно отделить от субстрата глины, поэтому отражение в неживой природе, с точки зрения активности, является функционально невыделенным процессом, выполняет эту функцию самим фактом своего существования в межпредметных и внутripредметных взаимодействиях, выражается в преемственности и иерархичном усложнении некоторых форм одной и той же системы. Тем не менее, оформившись в устойчивую структуру, след, как «памятный знак» с трансцендентным телу «значением», продолжает «жить» в новых совокупных взаимодействиях и с необходимостью влиять на характер движения своего носителя, вносить изменения в структуры действующих объектов, образующих более сложные системы, каким может быть, например, молекулярная редупликация поверхностного слоя глины в соответствующей среде, которая иногда рассматривается в качестве прототипа объяснения способа самовоспроизводства живых организмов.

На определенном этапе эволюции и кумулятивного усложнения материального субстрата, в контексте *системной самоорганизации, самовоспроизводства и самосохранения материи* отражение продолжает усложняться и становится ключевым негэнтропийным аттрактором - наиважнейшим фактором притяжения к себе структурных компонентов всей системы, что способствует появлению принципиально иного, активно самодвижущегося способа развития, где отражение начинает выполнять одну из важнейших функций, обеспечивающих бытие качественно нового, живого образования. Жизнь – это не просто обмен веществ. Жизнь, как форму самодвижения, невозможно понять (а тем более воспроизвести!) без отражения, точнее, *жизнь возникает в процессе усложнения отражения и превращения его из внешне случайного следа в основной, внутренне необходимый способ асимметричной самоорганизации материи*, который в своем целенаправленно-негэнтропийном самовоспроизводстве-самодвижении вынужденно ориентируется на внешние и внутренние изменения системы. Самоуправляющая система, какой, несомненно, является живой организм, в своей самоорганизации движения основывается на непрерывном «познании» и «оценки» среды и себя.

Отличительным способом самодвижения живых тел является *целесообразность*, особый вид направленной *самоорганизации* внутренней и внешней, энергетической и предметной среды, в *котором* доминирующие в неорганической природе причинно-следственные отношения становятся частью более сложной векторно-телеологической принудительности в отношениях «цель - средство» [11, 11]. Другими словами, *объективная обусловленность причинно-следственных связей усложняется и дополняется такими же объективными необходимостями целесообразных связей*, которые, к слову сказать, напрочь игнорируют бытующие в современной науке эпистемологические традиции классической и неклассической рациональности. Вдобавок к этому, сфера асимметричного органического целесообразного движения не только трансформирует причинно-следственные связи, но и существенно *ограничивает масштаб действия фундаментальных законов сохранения*. Ключевыми формами осуществления целесообразного самодвижения, преодолевающими симметрию физического мира, становятся *избирательность* (специфическая, то есть несимметричная, ответная реакция на значимые для выживания изменения) и *активность* (энергетическое несовпадение стимула и ответной реакции, что также может рассматриваться как энергетическая асимметрия). Осуществление избирательного целесообразного движения реализуется не только благодаря специализации и выделения отражательных процессов из общей массы субстрата в относительно самостоятельный

процесс (впоследствии в информационно-управляющий орган), но и появления способности вещи адекватно (избирательно) *реагировать на изменение формы следа*, то есть *рефлектировать* или *отделять состояние следа (его материально-знаковую конфигурацию) от состояния всего тела* и осуществлять *оценку* влияния трансцендентных знаковой форме следа раздражителей на характер внутреннего и внешнего движения. А для этого необходимо «научиться распознавать» целевой характер внешнего воздействия (или внутреннего изменения) с точки зрения выживаемости тела. Качественное отличие этого этапа состоит в том, что живая материя приобретает новый тип структурирования отражения, а именно, специализацию реагирования составляющих организм клеток на положительные и отрицательные раздражители. Тем самым отражение становится внутренне противоречивым, одновременно совмещая в себе *прото-«знание»* – соответствие «снятой формы» следа трансцендентной структуре раздражителя и *прото-«оценку»* его значимости (ценности) – соответствия трансцендентного содержания следа условиям самовоспроизводства и самосохранения живого организма. Таким образом, реакция живого организма, складывается из двух взаимозависимых составляющих — *отражения* среды в контексте сложившейся ситуации и *оценки* трансцендентного содержания следов естественной (собственной) формы этого отражения на основе накопленного опыта, то, что в дальнейшем получит название «опережающий характер». Следы действия среды на возникающую нервную ткань в результате длительного функционирования запечатлеваются и постоянно воспроизводятся в ней, «кодируются», образуя особые чувствительные к отражению структуры, и влияют на движение организма в опережающем события инстинктивном поведении [12].

Неотъемлемым условием успешной реализации телеологического самодвижения является наличие некоего «*проекта*» («сценария», «плана») предвосхищающего и предопределяющего (обуславливающего) реальные предметные взаимодействия. Такая возможность вырастает из: 1) способности следов отражения влиять на характер движения вещи; 2) появления специфического материального субстрата отражения - нервной ткани, позволяющей благодаря знаковой форме *свободно и безболезненно*, без ущерба для тела, то есть «*идеально*» или «*виртуально*», производить манипуляции со следами, а, соответственно, и *моделировать* их возможные смысловые значения для тела; 3) наличия своеобразного люфта (зазора) между такими виртуальными манипуляциями со следами и реальным движением организма, благодаря специализации и разделенности нервных центров отражения и локомоции тела; 4) накопления критической массы успешных цепочек следов, схем целесообразных движений или *памяти* и последующего ее закрепления сначала в инстинктах, а затем и в сложнейших сценариях приобретенных рефлексов; 5) использования накопленной массы положительных и отрицательных следов в качестве оценивающего механизма, устанавливающего стихийные эмпирические критерии оценки влияния вновь возникающих следов на вектор движения организма. Появление такой «обратной связи» свидетельствует о завершении процесса формирования специализированных органов контроля и зарождении предпосылок самостоятельного или целесообразного управления движением вещи.

Накопление достаточного количества следов и появление способности их *самостоятельной актуализации* (воспроизводства) живым организмом знаменует появление психики, принципиально нового вида организации активного самодвижения материи, а именно, - *индивидуального* способа управления движением тела с помощью следов отражения или так называемых «идеальных образов». Это становится возможным благодаря особому – многокомпонентному и многоуровневому (в основном электрическому и химическому), а в эпистемологическом смысле *знаковому* способу бытия и движения психических «следов-образов» в нервной системе. При этом следует подчеркнуть, что

сигналы, хотя и поступают от *качественно различных раздражителей*, но в материальном смысле, по способу бытия в нервной системе человека, все они *качественно однородны* – это активно перемещающиеся ионы натрия и калия. Сигналы, поступающие в нервную систему от различных раздражителей и рецепторов, отличаются друг от друга лишь *количественно* – группировкой и частотой их следования друг за другом. Например, при стимуляции вкусовых сосочков языка электрическим током у человека возникают точно такие же вкусовые ощущения, как, например, при реальном воздействии соли, сахара, перца. Если электрические колебания достигают 30-40 Гц, то у человека появляются ощущения соленого и кислого, при 70 Гц – сладкого и при 100 Гц – горького [13, 74]. Сахар и электрический ток качественно отличаются друг от друга, но если эти разные вещи вызывают тождественные вкусовые ощущения, значит, чувственные *образы ощущений суть не копии, а знаки вещей*. Аналогично такими же знаками являются и все остальные следы, в том числе и зрительные образы, различение которых по интенсивности светлоты и цвету есть итоговый результат деятельности мозга. Таким образом, как это ни парадоксально, но все ощущения суть материальные знаковые формы, смысловое и чувственное содержание которых предметно (качественно) актуализируется благодаря их психологической интерпретации мозгом, а психика является специализированным знаковым способом индивидуального управления живым организмом.

Многокомпонентность и разделенность процесса отражения позволяет осуществлять произвольные манипуляции со «следами-знаками-образами», что равносильно появлению нового самостоятельного способа нервно-отражательного движения – психологического моделирования *возможных целесообразных композиций из следов отражения*, благодаря чему реализуется способность ориентации не только в экологическом пространстве, но и во времени. Телеологическое самодвижение невозможно без оценки содержания следов отражения в рамках соответствия «цель - средство». А для этого необходима возможность *предвидения* ожидаемых объективных результатов моделируемого в знаково-образной системе психики сценария целесообразного взаимодействия реальных вещей. Но каким образом, появившиеся в прошлом следы-знаки могут создавать: а) картину (сценарий) возможного будущего, то есть, таких взаимодействий, которые еще не произошли; б) психологическую *уверенность* в том, что моделируемое будущее обязательно осуществиться? Таковую уверенность и возможность предвидения будущего создают *знания*, особые следы, представляющие собой *структурные копии необходимых связей явлений действительности*.

Структура есть некая согласованность частей условного целого. Способ или форма такой согласованности с необходимостью диктуются особенностями устройства элементов, свойства которых, в свою очередь, обусловлены ансамблем взаимодействующих частей. Если предметная, в смысле, буквальная материальная копия какой-либо вещи представляет собой повторение или удвоение такой вещи, то *структурная копия* имитирует не саму вещь, а форму или способ связи элементов в рамках целого и, по убеждению В.А. Илюшина, «представляет собой копию структуры данной вещи в форме структуры другой вещи (или системы). При этом копирующий объект может и качественно отличаться от того, с которого снимают копию» [14], как, например, бумажная, графитовая или графическая копии структуры медного куба качественно отличаются от своего прототипа. Важно подчеркнуть, что знание здесь понимается как *структурная материальная копия*, «причем, как такая копия, которая в вещном виде способна существовать в мозге» [14]. Иначе говоря, знание хотя и не является буквальным воспроизведением копируемой вещи, не повторяет собою объект, но также материально, как и все остальные «знаки-образы» сознания, а господствующие в литературе спекулятивные предположения об «идеальности» или «нематериальности» психических образов вызваны неадекватностью существующих

теоретических объяснений сущности и способа существования знания, а также его способности взаимодействовать с вещами и изменять предметно-материальный мир.

Структурная копия есть сложный, многосоставной способ организации следов-знаков, в силу чего она имитирует подлинную (первичную) структуру неполно, односторонне, частично и с изменением условий или способа копирования может быть изменена, дополнена, уточнена. Поэтому не всякая структурная копия может быть знанием, но только такая, которая является копией необходимости или закона. Необходимость вытекает из обусловленности характера взаимодействия устройством наличных составных элементов такого взаимодействия, когда существование одного элемента неотъемлемым образом связано с существованием другого, как, например, существование атома связано с взаимодействием электронов с ядром. Оно обусловлено этим взаимодействием: «Необходимость – это обусловленное существование» [14]. Знание всегда связано с отражением процесса взаимодействия (движения) вещей, повторение или имитация которого неизбежно приводит к одному и тому же результату. Поэтому динамическая структурная копия необходимого процесса взаимодействия вещей обеспечивает возможность предвидения и планирования человеческой деятельности, что дает возможность человеку целенаправленно организовывать взаимодействие вещей, чтобы удовлетворить свои потребности и выжить. Например, предусмотрительное устройство пожарных гидрантов в публичных помещениях основано на знании того, что вода препятствует окислению и гасит огонь. Организуя в соответствии с образами знания практические, материально-предметные взаимодействия вещей, человек достигает поставленных целей, а значит, преодолевает зависимость от хаоса случайных взаимодействий, создает новые (небывалые) необходимости, становится в свободное отношение к природе и господствует в ней.

Знание возникало в процессе возникновения человека и общества, как одна из форм его социального существования: человек становился человеком вместе с появлением знания и благодаря такому появлению. Объективным условием появления, выделения, накопления, сохранения, воспроизводства и трансляции знания явилась коллективная целесообразная деятельность или труд. Как известно, труд – это организация взаимодействия вещей с целью удовлетворения человеческих потребностей. Успешность коллективных целесообразных действий зависит от знания необходимых форм технологической организации движения людей и взаимодействия вещей. Бесчисленное воспроизводство (имитации) необходимых структур (схем, сценариев) удачной практической деятельности способствовало появлению и массовому тиражированию искусственно созданных вещей - артефактов - социальных знаковых механизмов «опредмечивания», хранения и трансляции знания. Как объективные хранилища знаний артефакты составляют предметное тело общества, которое обуславливает и принудительно стимулирует собственно человеческие движения, что требует от индивидов умения «распредмечивать» скрытые в них знания. Дело в том, что общество это не просто совокупность индивидов, но, главным образом, бесконечно многообразный мир искусственно созданных вещей – артефактов, искусственных органов или своеобразных машин, которые императивно задают требуемую программу целесообразного человеческого движения и которую индивид вынужденно воспроизводит при функциональном (по инструкции) использовании артефакта. С этой точки зрения артефакты представляют собой неустранимые средства аккумуляции и ретрансляции социальных смыслов, опыта культурного (собственно человеческого) движения. В процессе бесконечного «опредмечивания» и «распредмечивания» артефактов актуализируется подлинно человеческое бытие как совокупность ненаследуемой в генах социальной информации. В известном смысле можно смело утверждать, что сущность человека информационно-деятельная [15; 16]. В абстракции «человек» отображается вовсе не индивидуальное человеческое тело, а виртуально существующие программы всех многообразных видов

целесообразной деятельности, которые всякий раз вновь и вновь «оживают» и воспроизводятся посредством телесного движения человеческих индивидов. В неисчислимом живом воспроизводстве таких программ как раз и обнаруживает себя подлинная экзистенция человека [11, 12].

Таким образом, возникновение знания знаменует собой очередной качественный скачок и появление принципиально нового, культурного этапа космологической эволюции, в котором содержание следов отражения искусственно и коллективно принудительно отделяется от непосредственного биологического информносителя, к какому относится индивидуальное тело, выносится во вне организма, оформляется в артефактах и начинает жить самостоятельно воспроизводимой жизнью. *Культура, как способ собственно человеческого, а не естественного или биологически запрограммированного движения*, предметно как раз и представляет собой искусственно созданный мир артефактов, посредством которого осуществляется надбиологический способ существования и бесконечного воспроизводства социальной (читай *человеческой*) информации - знаний, смыслов, ценностей, сценариев целесообразной деятельности.

Знание необходимо отличать от смысла. Знания, взятые сами по себе, вне конкретного предметного и практического контекста абстрактны и не могут служить руководством к человеческому действию. Суждение «болит голова» не содержит конкретных характеристик субъекта, а высказывание «вода кипит при температуре 100 градусов» является бессмысленным по той причине, что не в нем отсутствует конкретное указание на количественные параметры атмосферного давления и не определен вид воды. Абстрактное знание это мертвое знание, поскольку не учитывает конкретных условий его практического применения. Когда же знания рассматриваются в телеологическом контексте целесообразного практического применения, они обретают тот или иной онтологический, эпистемологический, практический, медицинский, нравственный, религиозный, эстетический и другой смысл в зависимости от желаемой цели действия. Известный пример с определениями стакана в партийных дискуссиях о сущности профсоюзов - как сосуда для питья, как пресс-папье, или как произведения искусства демонстрирует изменчивость смысла в зависимости от изменения цели его практического употребления.

Очевидно, что смысл невозможен без знания. Но если знание *per se* - само по себе, как таковое – представляет собой эпистемологически безучастную и бесстрастную как Сфинкс, Картину мира, то смысл открывается через телеологическую соотнесенность и практическую связь относящихся к пониманию в данном целесообразном контексте явлений. Если знание представляет собой структурную копию вещи, то *смысл представляет собой структурное представление о функциональной соотнесенности вещей в целесообразном акте практического действия* или, что то же самое, структурный коррелят самого понимания, которое, как мы понимаем, так же есть ни что иное как целесообразный акт мысленного имитирования (удвоения, копирования, моделирования) структуры телеологической соотнесенности явлений. Понять – значит уметь мысленно сделать, а осмыслить – значит мысленно воспроизвести деятельную функциональную соотнесенность вещей в рамках целесообразных связей охватываемого мыслью целого, то есть мысленно пройти или одновременно представить, схематически «схватить» весь необходимый целесообразно-причинный путь. Когда И. Кант говорит, что «... для того, чтобы познать что-то в пространстве, например, линию, я должен *провести* ее, стало быть, синтетически осуществить определенную связь данного многообразного, так что единство этого действия есть вместе с тем единство сознания (в понятии линии)...» [8, 132] и далее, «Мы не можем мыслить линию, не *проводя* ее мысленно, не можем мыслить окружность, не *описывая* ее, не можем представить себе три измерения пространства, не *проводя* из одной точки трех перпендикулярных друг другу линий, и даже время мы можем мыслить не иначе, как

обращая внимание на *проведение* прямой линии (которая должна быть внешне фигурным представлением о времени)...» [8, 143], то он отчетливо указывает на целесообразно-деятельную природу понимающего мир мышления, которое посредством целесообразно-логического согласования понятий имитирует целесообразные акты или технологию практического телесного движения. Поэтому в данном контексте *смысл* может быть интерпретирован в качестве *необходимой структуры понимания*, как мысленное структурное представление целесообразных актов понимания или же, что точнее, как *свернутую программу целесообразного движения* независимо от того, где оно осуществляется - в сформированных под воздействием целесообразной деятельности морфологических структурах мозга или среди реальных вещей. Смысл грамматической нормы «ча»-«ща» пиши через «а» заключается в банальном каллиграфическом движении руки, а нормы Правил дорожного движения «красный свет – движения нет» - в прекращении движения и ожидании зеленого света светофора. Смыслы не существуют в отрыве от породивших и связанных с ними видов целесообразной деятельности. Овладение индивидом социальными смыслами означает, прежде всего, научение его технологиям и сценариям целеустремленной социальных движений или «опережающему» отражению действительности. Подобно тому, как свойство часов показывать время обнаруживается не в циферблате или стрелках, взятых самих по себе, а в целесообразно согласованном функционировании всего механизма, так и смыслы не существуют сами по себе в словах или где-то в трансцендентных далях, а создаются и реализуются только в целесообразных процессах коллективной социально-практической деятельности.

Смысл неразрывно связан с ценностью, точнее, он насквозь пропитан ценностью. Осуществление целесообразной деятельности с необходимостью сопровождается непрерывным анализом-оценкой соответствия целей и средств, в процессе которой цели и средства осмысливаются как ценности. При этом всегда существует возможность неадекватной оценки в силу неполноты или ошибочности знания структурных элементов целесообразного процесса, а с ним и соблазн релятивизации и субъективизации смыслов. Однако не стоит преувеличивать возможности субъективного искажения ценностей: *относительно каждого конкретного результата целесообразная структура является абсолютной и объективно физически predetermined* (причинным соотношением в структуре средств и цели). Целевая функция детерминирует объективные критерии оценки в масштабах соответствия средств и цели, где возможность объективности оценки вытекает из знания физически объективных закономерностей отношения средства к цели. Скажем, вода в пустыне вызывает радость и удовольствие, то есть оценивается положительно как необходимое объективное условие выживаемости организма, а длительное обливание человека водой на морозе, соответственно, сопровождается страданием и оценивается отрицательно, поскольку ведет к переохлаждению и гибели организма. Как видим, одна и та же вода *объективно в разных практических ситуациях* вызывает различные, вплоть до противоположности, чувственные состояния и оценки. *Правда* чувства и оценки здесь задается *объективно истинным физическим отношением средства (воды) к цели* (выживаемости организма). Поэтому *смысловая структура обладает надиндивидуальным значением*, опосредующим целесообразное отношение к действительности и обеспечивающим возможность его однозначного «прочтения», а, стало быть, возможность взаимопонимания и коллективной совместной деятельности. Если суть знания коррелируется с «истиной» – знание структурной необходимости не может не быть истинным, иначе это мнение, выдумка, греза, мечта и пр., - то смысл коррелируется с «правдой». Множественность, вплоть до противоположности, смыслов зависит не столько от субъективности оценки, сколько от сложности и множественности целей практического действия, что можно наблюдать в логических парадоксах смысла, сталкивающихся в одном

суждении взаимоисключающие целесообразные структуры типа софизма Хрисиппа: «Все, что я говорю, проходит сквозь рот. Я говорю - телега. Следовательно, телега проходит сквозь рот».

Смыслы существуют не только у людей, но везде, где существует психика. Вопреки Ж. Делезу смыслы есть и у не обладающих речью животных. Собака отличает функциональный смысл арапника от поводка для прогулки, также как и ворона отличает большой треугольник с едой от маленького, а паук адекватную его размерам муху от несъедобного жука. Возможность появления смыслов, вероятно, следует связывать с появлением нервной системы и, соответственно, с особым, по сути электрохимическим, способом функционирования в ней следов отражения. Электрохимический способ бытия следов позволяет производить с ними разнообразные манипуляции вплоть до физического перемещения по клеткам мозга в виде нервных импульсов или кодов, что особенно важно для определения значимости содержания следа с точки зрения целевой функции. Разные цели объективно предполагают различные технологии и наборы средств их достижения, а, следовательно, и соответствующие им различные субъективные модели и конфигурации следов отражения в психике. Поэтому одни и те же образы психики могут обретать различные смыслы в зависимости от целей и потребностей организма.

Отличие человеческих смыслов от животных вовсе не психологическое, а культурное. Человеческие смыслы рождаются в коллективно-практической, социокультурной, а не в индивидуально-биологической жизнедеятельности и поэтому все они, как результат совместной и согласованной целесообразной деятельности, во-первых, связаны с преодолением доминирования зоологического индивидуализма в коллективных формах деятельности, во-вторых, не могут быть запомнены и воспроизведены «в одиночку» отдельно взятым индивидом (телом), а потому, в третьих, нуждаются во «внешней опоре», специальных средствах воспроизводства и управления смыслами – социально установленными артефактами или знаками. Первичными формами таких способов культурного (читай искусственного) воспроизводства и существования телеологически организованных смыслов принято считать первобытные *коллективные телесные имитации* удачных производственных структур с последующим закреплением их в *ритуалах* и натуралистических формах (образах) изобразительной деятельности. Многократное повторение эмоционально впечатляющих событий согласованной коллективной деятельности неизбежно сопровождалось стихийным обобщением и схематизацией структуры целесообразных актов, одним из важных следствий чего было возникновение орнамента, смысл которого, в свою очередь, необходимо было однозначно истолковывать для всех членов сообщества посредством сопровождающих действия звуковых сигналов или акустических знаков и, как результат, появление *мифологически осмысленной речи* [17]. С возникновением *письменности* и *книгопечатания* следы психического отражения получают возможность не только отделиться от своего телесного биологического носителя, но даже выйти за пределы живого организма и в качестве артефактов создать собственные закономерности развития, на основе которых стали аккумулироваться программы надбиологической – разумной культурной эволюции. Собрания внешних материальных носителей социального содержания телесных следов трансформировались в музеи, архивы, библиотеки, научные и эстетические учреждения - самостоятельно существующие специализированные хранилища социальных смыслов, знаний, человеческих переживаний. Возникновение науки и искусства, их бескорыстная деятельность по эстетическому исследованию человеческих эмоций и получению нового знания знаменует собой новый скачок на пути самостоятельного развития человеческого разума, его освобождения не только от принудительных телесных и культурных ограничений, но и от давления утилитарных целей практики. В поисках собственного бессмертия креативный разум

становится причиной развития самого себя, активно ищет и выстраивает адекватные механизмы свободного и независимого от человека собственного существования и, прежде всего, адекватные способы своего целесообразного материально-знакового оформления. В поисках эффективных средств самосохранения, самовоспроизводства, саморазвития отделившиеся от своего телесно-биологического носителя знания, смыслы, ценности, человеческие переживания диктуют особые условия своего социального и культурного существования, в процессе реализации которых подчиняют себе, а фактически поработают человеческих индивидов и посредством адекватных систем образования и социальных коммуникаций превращают их в инструмент собственной самоактуализации.

Тот или иной способ целесообразного оформления и объективно-предметного (опредмеченного) существования в традициях культурной трансляции знаний и смыслов получает свое терминологическое закрепление в соответствии с названием предметного носителя знаний и смыслов или их жанрового своеобразия, как то – ритуал, миф, письмо, книга, сообщение, извещение, сведения, фотография, альбом и пр. Но только с возникновением электронного способа своего оформления, хранения и воспроизводства знания и смыслы все чаще начинают именоваться информацией – дословно *in form* – специально оформленный, то есть, введенные в однозначно прочитываемую и понимаемую систему знаков, а в настоящее время – это оцифрованные человеческие знания, чувства и смыслы. Последовательно проведенный функциональный подход к выявлению своеобразия информации не оставляет иного способа ее понимания кроме как количественного - *исторически конкретного технологического способа целесообразного управления знаниями и смыслами*, а именно - электронного способа их «упаковки» и функционирования. Информация – это не конкретная вещь, тем более это не свойство вещей, и это не своеобразная материальная субстанция или специфический материальный субстрат, каким, как уверяют, якобы заполнен весь мир, хотя никто его до сих пор не обнаружил и его физическая природа неизвестна. Термин «информация», на наш взгляд, имеет не содержательно-онтологическое - качественное, а функционально-технологическое - количественное основание, поскольку не затрагивает трансцендентное знаковое материальному носителю содержание следов отражения, для описания которого используются такие категории как человеческие знания, смыслы, чувства, интересы, верования и т.д.

История свидетельствует, что человеческий разум, как продукт коллективной целесообразной деятельности, как бы распределен между людьми и обнаруживает себя в актах коммуникации и общения отдельных человеческих индивидов. Материально-знаковая основа социальных коммуникаций, в свою очередь, не стоит на месте, а трансформируется в соответствии с перманентным технологическим перевооружением общества. В эпоху глобального доминирования электронно-технических устройств неизмеримо ускоряются информационные процессы обмена знаниями, смыслами, переживаниями, а с ростом количества информационных взаимодействий индивидов неизмеримо возрастает количество принудительных актов совместного сознательного взаимодействия разных индивидов и, стало быть, растет эффективность самостоятельной деятельности разума, его способность к «спасению» и освобождению от преходящей бренности отдельного тела в бесконечной жизни в сетях информационных коммуникаций.

Список используемой литературы:

1. Патрушина С. М. Информатика: учеб. пособие / С. М. Патрушина, О. Г. Нельзина, Н. А. Арчиди, Н. Г. Савельева. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Ростов н/Д: МарТ, 2004. – 416 с.
2. Апоян Г. Г. Информация: денотат и дефиниции / Г. Г. Апоян // Международный форум по информатизации и документации. – Москва, 1991. – Т. 16, № 3. – С. 3.

3. Фридланд А. Я. Информация: обзор современных представлений о сущности и подходов к определению / А.Я. Фридланд. – Тула : Изд-во ТГПУ, 2008. – 41 с.
4. Воєводін О.П. Основи загальної теорії інформації : навч. посібник / О. П. Воєводін, Ю. Ю. Полулях. – Луганськ : Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2013. – 224 с.
5. Акофф Р. О целеустремленных системах / Р. Акофф, Ф. Эмери. – Москва : Сов. Радио, 1974. – 272 с.
6. Делез Ж. Логика смысла : пер. с фр. – М. : Раритет ; Екатеринбург : Деловая книга, 1998. – 480 с. – В доп.: Фуко М. *Theatrum philosophicum*.
7. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / Дж. Гибсон. – Москва : Прогресс, 1988. – 464 с.
8. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант; пер. с нем. Н. Лосского; ред. пер. Ц. Г. Арзаканян, М. И. Иткиным; прим. Ц. Г. Азаканяна. – Москва : Эксмо, 2009. – 736 с. – (Антология мысли).
9. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – Изд. 2-е. – Москва : Политиздат, 1977. – 304 с.
10. Янковский С. Я. Концепции общей теории информации [Электронный ресурс] / С. Я. Янковский. – Режим доступа: <http://inftech.webservis.ru/it/information/ar2.html>
11. Воеводин А. П. SUBSTATNTIA HUMANA / А. П. Воеводин // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского : науч. журнал. Серия : Философия. Культурология. Политология. Социология. – 2013. – Т. 24 (65), № 1/2. – С. 3–16.
12. Звездкина Э. Ф. Теория философии / Э. Ф. Звездкина и др. – Москва : Филол. о-во «СЛОВО»; Изд-во Эксмо, 2004. – 448 с.
13. Губанов Н.И. Чувственное отражение / Н. И. Губанов. – Москва : Мысль, 1986. – 239 с.
14. Илюшин В.А. Магический кристалл [Электронный ресурс] / В. А. Илюшин. – Режим доступа: http://samlib.ru/i/iljushin_w_a/kristal.shtml
15. Воеводин А. П. Перформативные механизмы социальной регуляции / А. П. Воеводин // Філософські дослідження : зб. наук. пр. Східноукраїнського нац. ун-ту ім. Володимира Даля. – Луганськ : Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2010. – Вип. 12, ч. 1. – С. 212–231.
16. Воеводин А. П. Ноосфера: социоцентризм versus антропоцентризм / А. П. Воеводин // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия : Философия. Культурология. Политология. Социология. – 2013. – Т. 26(65), № 5. – С. 57–65.
17. Воеводин А. П. Становление рационально-теоретических форм в структуре художественного сознания: опыт историко-генетической реконструкции / А. П. Воеводин. – Луганск : Изд-во ВУГУ, 1996. – 194 с.

Воєводін О. П.

ІНФОРМАЦІЯ І СЕНС

Розглядаються системні співвідношення епістемологічних категорій «інформація», «знання», «розуміння», «смысл» у відтворенні логіки зміни етапів ускладнення процесів відображення й перетворення його у стрижневий вектор саморозвитку мптерії. Послідовне застосування принципів телеологічного аналізу, сенсуалізму і соціоцентризму дозволило здолати методологічні вади детермінізму, антропоцентризму і раціоналізму в тлумаченні процесів пізнання, а також виявити методологічну неспроможність поняття «ідеальне» для наукового пояснення психіки й свідомості. Функціональний підхід до розуміння сутності інформації обмежує її сенс формою «упакування» матеріального носія повідомлення, а його зміст й аксіологічні значення інтерпретуються за посередництвом категорії «смысл».

Ключові слова: знання, інформація, відображення, розуміння, смысл, доцільна діяльність.

Voievodin O. P.

INFORMATION AND SENSE

The purpose of the publication is to research the system correlations of epistemological categories “information”, “knowledge”, “understanding” and “sense” in the logic description of stages changing which complicate the reflection processes and transform it into an axial vector of matter self-development. Consecutive application of principles of teleological analysis, sensationalism and socio-centrism allowed overcoming methodological drawbacks of determinism, anthropocentrism and rationalism in the interpretation of knowledge processes and it also allowed to reveal methodological insolvency of the concept “ideal” in psyche and consciousness explanation. A functional approach to understanding of information essence limits it by “packing” form of the message material carrier whereas its informative and axiological layers are interpreted by means of the category “sense”.

Key words: knowledge, information, reflection, understanding, sense, advisable activity..

УДК 32.001.18

Онщенко І. Г.

ПРОГНОЗУВАННЯ В ЕПОХУ ГЛОБАЛІЗАЦІЇ

В статті проаналізовані основні тенденції розвитку сучасного політичного прогнозування. Показано, що основним завданням політологів у період глобалізації постає вироблення застережного знання та пояснення прийнятних альтернатив бажаного майбутнього.

Ключові слова: прогнозування, глобальні проблеми, “суспільство ризику”, глобальне політичне прогнозування, синергетика.

Радикальні зміни політичного, економічного, соціального характеру, які відбуваються в період всевозрастаючої глобалізації, потребують не лише системного дослідження та пояснення, а й наукового передбачення їх наслідків для людства.

В 60-ті роки попереднього століття бере початок теорія розробки прогнозів, коли у багатьох країнах Західної Європи та США розпочався так званий “прогностичний бум”. Були започатковані спеціальні установи, які об’єднали фахівців з прогнозування — Гудзонівський інститут, Інститут з проблем майбутнього, “Комісія 2000 року” в Американській академії мистецтв та наук та Корпорація РЕНД у США, у Франції - “Група 1985 року” при Раді Міністрів. Відповідні товариства виникли також у Німеччині та Великобританії. В 1973 році навіть була створена Всесвітня федерація досліджень майбутнього.

Наприкінці ХХ ст. виник новий концептуальний напрям соціального пізнання, автори якого Нобелівський лауреат І. Пригожин, І Стенгерс, Г. Ніколіс, Н. Ханке та ін. запропонували ідеї, що змусили переосмислити низку традиційних уявлень про соціально-політичні процеси. Ці ідеї отримали загальну назву — теорія синергетики. Характеризуючи суспільство як відкритий, самокерований організм, що розвивається стрибкоподібно, вчені підкреслювали, що за допомогою синергетики можна прогнозувати можливий соціально-політичний розвиток та намітити оптимальні шляхи розв’язання політичних криз.

Природа і сутність процесу глобалізації, системні уявлення про загальнопланітарні процеси результативно можуть бути досліджені саме за допомогою системно-